

О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ УРДУРА

М.Э. Мамиев

С XIX в. в литературе утвердилось мнение о царской принадлежности Урдур — аланского военного деятеля X в., которое носит, несомненно, установочный характер. Несмотря на то, что информация о нем содержится только в не отличающихся надежностью грузинских источниках, продекларированный в них высокий монарший титул Урдур обычно не оспаривается исследователями и принимается априори, без надлежащего научного анализа. Между тем, внимательное прочтение имеющейся информации и соотнесение ее с известными историческими событиями, разворачивавшимися на Кавказе в рассматриваемый период, выявляет значительные искажения, вызванные ярко выраженной идеологической направленностью источников — неоднократно редактировавшихся исторических хроник, имевших характер государственно-идеологического заказа правящей картлийской династии. Изначально неверное сообщение о царской принадлежности Урдур привело к целому ряду прозвучавших в литературе ошибочных интерпретаций, включая попытки определить место этого персонажа в реконструкциях правящего дома аланского средневекового государства. Предпринятый анализ сведений, содержащихся в источниках, позволяет сделать вывод о том, что Урдур был предводителем вполне заурядного военного предприятия, одним из приграничных правителей, совершившим неудачный поход-балц в соседнюю Кахетию. Скорее всего, его социальное положение в феодальной иерархии Аланского государства было никак не выше того, что занимал Багатар, другой аланский правитель IX в., который в грузинских источниках называется княжеским титулом мтавар.

Ключевые слова: Аланское царство, политический статус, государственная идеология, грузинские источники, титулы, социальная принадлежность.

The opinion about royal descent of Urdur, the Alanian military leader of the X century, has been dominating in literature since the XIX century. Despite the fact that all information about him can be found only in not quite reliable Georgian sources, the high regal title of Urdur is not usually disputed by the researchers and is accepted a priori, without proper scientific analysis. Meanwhile, a careful review of available information and correlating it with known historical events, unfolding in the Caucasus during the reviewed period, reveals significant distortion caused by pronounced ideological orientation of the sources, which these repeatedly revised historical chronicles, having a character of state-ideological bias of the ruling Kartli's dynasty, represent. Initially incorrect information on the royal attribution of Urdur has led to a number of erroneous interpretations, including attempts to determine his place while reconstructing the ruling house of the medieval Alanian state. The analysis of the information contained in the sources, leads to the conclusion that Urdur was the leader of quite an ordinary military campaign, and as one of the borderline rulers undertook an unsuccessful campaign-balts to neighboring Kakheti. Most likely, his social position in the feudal hierarchy of the Alanian state was not higher than the position of Bagatar, another Alanian ruler of the IX century, who in the Georgian sources has the princely title of Mtavar.

Keywords: Alan kingdom, political status, state ideology, Georgian sources, titles, social attribution.

Начиная с XIX в. в литературе утвердилось мнение о царском достоинстве Урдур — одного из аланских правителей начала X в. Его высокий монарший титул обычно

не оспаривается исследователями и традиционно принимается априори, без попыток критического анализа имеющейся информации¹. Между тем, обращение к тексту источника позволяет не только усомниться в подобной идентификации социальной принадлежности Урдур, но и выявляет явное несоответствие данных источника с масштабностью трактовки образа данного исторического персонажа, в том числе и в специальной литературе.

Судя по всему, установочную характеристику Урдуре дал В.Б. Пфаф: «Первый, известный по имени, великий царь осетинский был Ордуре» [2, 36]. Далее следует пересказ сюжета об Урдуре со ссылкой на известный грузинский письменный источник «Картлис цховреба». Приведенный текст не дает никаких оснований для усиления монаршего титула Урдуре до *великого* царя, которое вытекает из предшествующего авторского повествования [2, 36], построенного на несколько вольной трактовке источников, что является жанровой особенностью научного творчества В.Б. Пфафа. Следует отметить, что это характерная черта многих серьезных исследований того времени несколько не снижает их значимость не только для эпохи становления алановедения, но и для современных научных исследований.

Определение Урдуре как царя Алании (иногда с довольно яркой и фантазийной сюжетной линией) входит в литературу и принимается новыми поколениями исследователей [3, 78; 4, 80-83; 5, 116-117; 6, 244; 7, 77, 84, 163; 8, 75-76; 9, 416, 421, 428, 569; 10, 274; 11, 52 и др.].

Рассмотрим источники, содержащие информацию об Урдуре. Их два — это грузинские нарративные произведения «Летопись Картли», которая является составной частью свода исторических хроник «Картлис цховреба», и «История царства грузинского» царевича Вахушти. Прежде чем перейти к анализу текстов, необходимо определить характер и общий уровень достоверности указанных источников.

Первоначальное оформление свода по истории Грузии, получившего впоследствии название «Картлис цховреба» (досл. «Жизнеописание Картли (Грузии)»), относится к XI в. Оно напрямую связано с началом политического объединения земель, в итоге образовавших единое грузинское государство, просуществовавшее до середины XIII в.

Благодаря удачной междинастической расстановке в престолонаследовании центром объединения в конце X — начале XI в. неожиданно стало второстепенное Картлийское княжество (эриставство), находившееся к этому времени в составе Абхазского царства. Все три сына царя Абхазии Георгия II из династии Аносидов — Леон III, Дмитрий III и Феодосий III, оказались бездетными, и, по существовавшему праву, престол отошел ближайшему наследнику — их племяннику, внуку Георгия II Баграту III, сыну дочери Георгия II Гурандухт и князя с севера Тао (Тайк) Гургена II из династии Багратидов. Кроме того, Баграт был приемным сыном и наследником правителя Тао Давида II Курополата. После их смерти Баграт вновь законным образом наследует новые владения и, сильно усилившись, захватывает еще два княжества — Кахетию и Эретию [12, 147-150; 13, 57-61; 14, 365-367, 374-377; 15, 253, 309].

Таким образом, в результате произошедших событий на карте Кавказа появляется новое политическое объединение, непрочность которого была очевидна изначально и проявилась сразу же после смерти Баграта в 1014 г., когда только что завоеванные им Кахетия и Эретия были утрачены после контрнаступления кахетинского царя Квирике III [12, 149; 14, 279]. Кроме того, происходившая военно-политическая интеграция должна была преодолевать противодействие Византийской империи, которая, вплоть до поражения византийских войск в 1071 г. при Манцикерте, доминировала в Закавказье.

Понимая серьезность децентрализирующих проблем, Баграт III предпринимал

систематические действия, направленные на укрепление своего государства. При нем картвелы начинают занимать лидирующие позиции внутри Абхазского царства, постепенно вытесняя местную элиту после проведенных Багратам III политических чисток и репрессий, «так что мало было людей, кто бы мог увидеть непокорных, вместо коих были возвышены верные и благонадежные ему» [13, 59; 12, 148]. В процесс централизации задействуется церковь, укрепляется влияние картлийских Каталикосов. Теперь, продолжая иметь резиденцию в столице Картли Мцхете, они называются Каталикосами-Патриархами всей Грузии. Причем одним из первых титул Каталикос-Патриарх получает воспитанник Баграта III Мелхиседек I (1010-1033 гг.) [14, 372; 16, 205-206].

Существовала еще одна, пожалуй, главная сложность, которая носила ярко выраженный политико-идеологический характер. Дело в том, что основной и важнейшей составляющей формировавшегося политического образования было Абхазское царство. Этим объясняется и порядок перечисления подданных в титуле Баграта III — царь *абхазов и картвелов* [12, 149-150; 14, 366, 377], который сохранялся вплоть до наивысшего усиления Картли при царице Тамаре. На смену пресекшейся *исконной и древней абхазской* династии Аносидов пришел представитель *иноземной* династии картлийских Багратидов (Багратионов), являвшейся одним из *ответвлений* армянских Багратидов (Багратуни). Столь стремительное возвышение Баграта, наследовавшего абхазский престол пусть даже и законно, но по *материнской* линии, требовало дополнительного обоснования прав на это неожиданное наследство. И по указанию нового царя в последней четверти X в. составляется т.н. «Диван абхазских царей» — генеалогический список царей и правителей Абхазии от Аноса, основателя династии Аносидов, до первого Багратида на абхазском престоле — самого Баграта III. Это своего рода манифест-декларация,

предназначенный для канонизации права нового монарха на абхазский престол [17; 14, 373].

Такое же, но уже более фундаментальное идеологическое обоснование требовалось и для канонизации всего политического объединения, возглавляемого Багратам III, которое он стремился оформить в единое Картлийское государство. Этот процесс встречал вполне ожидаемое противодействие со стороны феодальной знати других, зачастую более сильных княжеств и феодальных родов и продолжался с переменным успехом на протяжении еще целого века после смерти Баграта, вплоть до создания централизованного государства Давидом Строителем. Но, несмотря ни на что, *законность* возникшего военно-политического объединения Багратидов имела прецедентный характер и неизбежно рассматривалась как определенный задел и возможность для создания объединенного картлийского государства под скипетром данной династии. Все это формулировало государственно-династический заказ на писанное идеологическое обоснование исторической законности подобных претензий.

На этом историческом фоне в XI в. и началось формирование свода, впоследствии получившего название «Картлис Цховреба»². Термин *цховреба* («жизнеописание» вместо обычного *история, летопись*)³ давал необходимый смысловой оттенок исконности, который относился не только к названию, но установочно переносился на все содержание свода, изначально имевшего прозрачный государственно-идеологический заказ: «Сборник этот был призван не просто описать историю страны, но и идеологически обосновать политическое единство Грузии и царствование династии Багратидов» [12, 8].

Если история создания средневековых грузинских хроник, прерывающихся на описании событий начала XIV в., довольно запутанна, то принципы возобновления записи официальной истории Грузии

хорошо известны. В начале XVIII в. картлийский царь Вахтанг VI из продолжающей оставаться у власти в Картли династии Багратидов сформировал специальную комиссию редакторов-составителей для создания завершеного исторического свода по истории Грузии, включавшего и ранее не описанный период XIV-XVII вв. Результатом проведенной работы — сверки, переработки, дополнения и редактирования имеющихся у комиссии текстов — стал заказанный Вахтангом VI свод «Картлис цховреба», который в современной грузинской историографии принято делить на старый, «доваханговский», и новый, «вахтанговский». Эта редакция и легла в основу изданий нового времени, начиная с известного французского перевода академика М. Броссе [18]. Следует отметить, что известные списки «Картлис цховреба» относятся в основном к «вахтанговской» редакции. Несколько известных «доваханговских» датируются лишь XVI-XVII вв. [12, 6-7] ⁴.

Тенденциозность и спорность информации, содержащейся в тексте «Картлис цховреба» очевидна, что закономерно вытекает из его изначально заданного и впоследствии тщательно поддерживаемого формата — цензурируемого государственного идеологического проекта. Исчерпывающая характеристика данного источника дана главным редактором первого полного русскоязычного издания «Картлис цховреба», академиком Р.В. Метревели: «Сборник исторических сочинений «Картлис цховреба», представляющий собой единственный связный письменный источник изначально истории Грузии и, вместе с тем, официальную историю страны, является блестящим памятником грузинской исторической письменности. «Библия», «Витязь в тигровой шкуре» и «Картлис цховреба» представляли собой идейно-политическую опору средневекового Грузинского государства» [12, 6-7].

Таким образом, подчеркнута официальный, государственно-идеологический

характер рассматриваемого свода, созданного по заказу правящей картлийской династии, значительно снижает его информативную ценность.

Несколько слов о втором источнике, в котором упоминается имя Урдур. Собственно, источником это произведение может быть названо только с большими оговорками. Речь идет о сочинении царевича Вахушти, возможно, самом авторитетном редакторе грузинской истории — «Истории царства грузинского», написанном в первой половине XVIII в. в Москве. Будучи внебрачным сыном картлийского царя Вахтанга VI, царевич Вахушти относился к Багратидам и выражал интересы правящей династии не только в политике, но и в указанном историческом сочинении. По всей вероятности, Вахушти самым активным образом участвовал в работе редакторско-составительской комиссии своего отца, Вахтанга VI. Но «История царства грузинского» — это отдельное историческое сочинение, написанное с гораздо большим авторским вмешательством, в какой-то степени *по мотивам* «вахтанговской» редакции «Картлис Цховреба». Используя при этом методические подходы описанные в литературе: «Свою историю Вахушти писал по этой периодизации (древняя история и период после распада страны. — М. М.). Первая часть — с древнейших времен до 1469 г. — фактически является краткой редакцией древнего летописного свода «Житие Картли». При ее написании Вахушти учитывал те поправки, которые в этот свод были внесены комиссией Вахтанга VI. Но Вахушти не довольствовался этим: он исправлял ошибки, допущенные как комиссией, так и древними летописцами, вносил новые или дополнительные сведения. Хотя первая часть труда и не является оригинальной работой, ее все же следует считать не простой краткой редакцией свода, но критической интерполяцией его рядом важнейших исправлений, дополнений и комментариев. Вторая — и основная — часть сочинения является самостоятель-

ной и оригинальной работой. История этой эпохи (XV-XVIII вв.) заново им изучена и описана. Она же является лучшей частью сочинения Вахушти» [19, 9-10].

Переводчик и автор русского издания Н. Т. Накашидзе дал верную характеристику сочинению царевича Вахушти, который, действительно, написал «свою историю», в которой он «исправлял ошибки, допущенные как комиссией, так и древними летописцами, вносил новые или дополнительные сведения» и т.д. Другими словами, с точки зрения источниковедения, «История царства грузинского» может рассматриваться только в качестве вспомогательного материала и только при наличии дополнительных достоверных источников. Тем более что при отсутствии связанных исторических сочинений XIV-XVII вв. [12, 8; 19, 7] и, одновременно, детальном освещении данного периода в «вахтанговской» редакции «Картлис цховреба» и «Истории царства грузинского» «значительная часть сочинений, на которые ссылается Вахушти, еще не выявлена и не уточнена» [19, 10]. Вспомним также, что «История царства грузинского» писалась в Москве [20, XI], что сильно затрудняло или даже делало невозможным регулярное использование нужных материалов, в подобной работе совершенно необходимых. Данный факт должен учитываться несмотря на указание автора на наличие у него привезенных с собой письменных материалов [20, XII, XXVII].

Такова, в самом кратком виде, характеристика указанных источников, которые, как мы видим, не отличаются надежностью. Однако именно несомненная претенциозность делает их особенно ценными для раскрытия предложенной темы.

Общий сюжет рассматриваемого эпизода таков. В «Летописи Картли» сообщается довольно скомканная информация о нападении аланского царя Урдур на Кахетию, его разгроме и убийстве кахетинским царем Квирике, который сам погибает во время охоты от руки раба Урдур, мстившего за смерть своего господина. В редакции

Вахушти этот пассаж снабжается логичной сюжетной линией, необходимыми деталями и, получив законченный вид, включается в финальную часть описания двадцатилетнего правления Квирике Великого.

Обратимся непосредственно к тексту источников. Как уже говорилось выше, сюжет об Урдуре содержится в «Летописи Картли» и «Истории царства Грузинского» царевича Вахушти. Причем текст «Летописи Картли», послуживший исходным материалом для переработанной версии Вахушти, несомненно, более аутентичен. Существует два перевода на русский язык «Летописи Картли». Первый перевод, выполненный М. Д. Лордкипанидзе, вошел в полное русское издание «Картлис цховреба» [12, 139-180]. Второй, академический, принадлежит Г. В. Цулая [13]. Стилистические различия переводов рассматриваемого пассажа не принципиальны для анализа интересующих нас сведений.

«Спустя немного времени Липарит (вероятно Липарит Багваши, эристави-эристав, т.е. эристав эриставов. — М. М.) призвал Баграта (Баграт IV, внук Баграта III. — М. М.) к захвату Тбилиси. Войска царя абхазов подступили к Тбилиси с этого берега Куры, с высот и низин; с другого берега реки, со стороны Исани, подступили войска кахов и эров. Тогда же неким рабом овсом был убит великий царь кахов Квирике, ибо в бою царь Квирике убил овского царя Урдуре. И (таким образом), из кровной местности был убит рабом овсом царь Квирике во время охоты в горной местности Парадзи» [13, 66-67].

Для сравнения приведем перевод М. Д. Лордкипанидзе:

«Через некоторое время Липарит посоветовал (царю) взять Тбилиси. Обступили Тбилиси с одного берега Мтквари, выше и ниже (течения реки), войска царя абхазов, а с другого берега, со стороны Исани, подошли войска кахетинцев и эретцев. К этому времени великий царь кахетинцев Квирике уже был убит неким рабом-осетином за то, что царь Квирике убил в сражении

осетинского царя Урдуре. [Царь Квирике был убит в силу кровавой мести], во время охоты [в горах Пирдази осетином-рабом]» [12, 154].

Именно этот отрывок и стал исходным источником информации об Урдуре, который был творчески переработан, развит и детализирован царевичем Вахушти:

«На него же, царя Квирике, напал царь осетин Урдуре. Сей Урдуре прошел дорогу дзурдзуков и глигвов и вступил в Тианети и опустошил Кахети. Бился с ним царь Квирике с собранным войском и в сильном бою осетины были побеждены, и убили кахи царя осетин Урдуре и перебили осетин. И во время доброго правления [и] царствования охотился царь Квирике и отдыхал у Пидарской горы и убил некий раб осетин царя кахов Квирике великого за кровь царя осетин Урдуре лета Христова 1039, грузинского 259» [19, 128-129].

Зачастую авторский текст Вахушти принимается как авторитетный исторический источник и становится достаточным основанием для важных выводов и интерпретаций. Это касается и признания царской принадлежности Урдура, причем настолько априорного, что в качестве источника может использоваться даже давно устаревший перевод М. Джанашвили [21, 31; 6, 63, 244; 7, 77; 10, 274].

В грузинских источниках *царями* (*თერე*) (и даже *великими царями*) довольно беспорядочно называются правители разного уровня. В том числе и в тех случаях, когда управлявшиеся ими территории находились в непосредственном подчинении или в составе иностранных держав. Поэтому подобная летописная титулатура далеко не всегда имела прямое отношение к реальности и зависела от идеологических запросов на момент составления или редактирования тех или иных хроник. В комментарии к «Летописи Картли» сказано, что «...грузинское *მე* — «царь» при всей своей определенности, — термин многозначный. В условиях политической раздробленности, исторические реалии которой пережиточно

сохранились и впоследствии, каждая феодальная единица... могла считаться «царством»» [12, 116-117, прим. 37]. Изначально Квирике III имел условно княжеский титул (хорепископ), а затем стал именоваться царем Квирике Великим [12, 174, 206]. И ему, по жанровой направленности «Летописи Картли», требовался статусный противник, желательное царского же достоинства.

Ярким примером «литературного» возведения в царское достоинство служит фрагмент из церемониального «Распорядка царского двора», составленного в годы правления Георгия V Блистательного (1314-46 гг.) для поддержания престижа усилившейся при нем центральной власти. Параграф, содержащий описание царского приема, усилен цитатой из проповеди Арсения Икалтойского — наставника и духовника создателя грузинского централизованного государства Давида IV Строителя [22, 429-430]: «Тогда двое царей осетин да царь кахов и царь алванов, царь цанаров, трое царей таойцев и царь армян, и трапезундский, ширван-шах (и шахин-шах), — они прибыли в Начармагеви и двенадцать их усадили...» [23] Помимо *двух* осетинских царей с очевидным преувеличением указываются сразу *три* царя Тао и т.д. Обилие царей, *прибывших* ко двору грузинского царя, призвано демонстрировать степень величия и авторитет последнего.

Письменные источники этой эпохи прямо указывают на несопоставимость монархического статуса Квирике III, да и картлийских монархов, с аланскими царями. Лучшим модератором статусности правителей государств, входивших в зону влияния византийской цивилизации, был дипломатический протокол империи. Согласно ему, аланские государи, по крайней мере, с 40-х гг. X в. имели беспрецедентный титул эксусиократоров [24, 53; 9, 242; 25, 197-198; 11, 40-41, 244], в то время как более могущественный современник и противник Квирике III Баграт III имел традиционный для Багратидов византийский почетный придворный титул курополата

[12, 149-150; 14, 377]. Особенно ярким документальным свидетельством статусного уровня аланских царей (эксусиократоров) являются формулы обращения византийских императоров к правителям различных государств [9, 244]. Масуди прямо указывает на разницу в уровне могущества Абхазии середины X в., политического тяжеловеса Закавказья в период ее подъема, и Алании: «Абхазцы исповедуют христианство и сейчас имеют своего царя, но аланский царь главенствует над ними» [26, 209; 9, 351].

Не вызывает сомнений, что в случае победы Квирике III над царем Алании, находившейся в это время на пике своего могущества (причем победы разгромной, судя по смерти Урдура), «Картлис цховреба» не ограничилась бы лишь кратким упоминанием события такого масштаба. Напротив, характер изложения свидетельствует о малозначимости победы Квирике и поражения Урдура. Пассаж «Летописи Картли» посвящен началу осады Тбилиси Багратом IV. И только для объяснения отсутствия Квирике III, союзника абхазов и картлийцев, коротко сообщается причина его смерти из кровной мести в связи с убийством им в сражении Урдура [13, 66-67; 12, 154]. Последующие дополнения Вахушти несут несомненный характер творчества, так как он не мог располагать сведениями подробнее тех, что содержатся в «Летописи Картли» [19, 128-129; 12, 154; 13, 66-67]. Во всяком случае, ни о каких иных источниках об Урдуре ничего не известно.

Совершенно неубедительно выглядит и новейшая попытка включения Урдура в и без того умозрительную реконструкцию генеалогии аланских царей, построенную на системе порой невероятных допущений [11, 66]. Интересно, что авторы данной генеалогической схемы, не используя никаких аргументов, отвергают (и при этом неверно интерпретируют) предложенную Ю. С. Гаглойти идентификацию социального статуса Урдура как одного из правителей на востоке Алании [1, 219-220, прим. 140; 11, 53, прим. 175].

Явно ошибочна идентификация И. Ф. Николеишвили, поддержанная Д. В. Белецким и А. Ю. Виноградовым, одной из изображенных персон на известном зедазенском рельефе: «...рельефная композиция представляет собой как бы иллюстрацию такого важного политического события страны, как заключение дружеского союза между царем Кахетии Квирике Третьим и царем Осетии Урдуре. Об этом выразительно свидетельствует и жест пожатия их рук. Согласно историческим данным, взаимная деятельность этих царей определяется временем с 1014 по 1037 гг.» (цит. по: [27, 51-52, прим. 160; 11, 53]). Следует напомнить, что Квирике *убил* Урдура, когда тот *совершал набег* на его владения, и поэтому более чем сомнительно, что их рукопожатие могло быть запечатлено на рельефе алтарной преграды монастырского храма, расположенного к тому же в Кахетии. Что касается «взаимной деятельности этих царей», то, по всем имеющимся сведениям, она ограничилась *посягательством* и *убийством*. Оставим без комментариев довод в пользу того, что изображение могло быть сделано до разрыва союза [11, 53].

Неверно и предположение о том, что Урдур на аланском престоле предшествовал царю Алании Гавриилу, известному по личной печати с надписью: «Гавриил, эксусиократор Алании», датированной В. Цайбтом (W. Zeibt) 30-40-ми гг. XI в., причем автор больше склоняется к 30-м гг. [27, 54] Отнеся вслед за А. Алеманем [9, 416-417] гибель Квирике III к 1029 г., Д. В. Белецкий и А. Ю. Виноградов делают Урдура хронологическим предшественником и отцом Гавриила [11, 53, 57, 66]. Однако «Летопись Картли» не содержит даты указанного события, а дата, приведенная Вахушти — 1039 г. [19, 129], — не имеет никаких подтверждений. Поэтому приводимые варианты даты смерти Квирике разноречивы: 1039 г. [19, 129], 1030 г. [12, 174, прим. 191], 1037 г. [12, 206, прим. 35], 1029 г. [9, 416-417]

Текст «Летописи Картли» не содержит даты гибели Квирике, но сам ход пове-

ствования указывает на то, что она произошла незадолго до начала осады Тбилиси войсками коалиции абхазов, кахов и эров во главе с Багратам IV [12, 154; 13, 66]. Более объективное [12, 174-175, прим. 203] описание этой осады содержится в «Совершенной хронике» («Тарих ал-Камиль») авторитетного арабского автора Ибн ал-Асира, который приводит и ее дату — 429 г. х./1037/1038 г. [29, 115], принятую издателями русского перевода «Летописи Картли» [12, 174-175, прим. 203; 13, 95-96, прим. 112, 116]. При такой дате Урдур, погибший, по-видимому, ненамного ранее этого времени, был скорее современником и подданным Гавриила, чем его отцом и самодержавным предшественником.

В том же пассаже «Летописи Картли» помимо преувеличения социального статуса Урдура, работающего на имидж победившего его Квирике, содержится и уничтожительная детерминация отомстившего — «раба овса». Автор русского перевода Г.В. Цулая отмечает: «В оригинале *мона «раб»*, в контексте имеет уничтожительный нюанс, близкий к русскому разговорному «холоп»» [12, 95, прим. 111]. Очевидно, что мститель не являлся рабом в прямом смысле этого слова. Рабы, стоявшие в самом низу феодальной иерархии, не обременялись обязанностью мести за своих хозяев, тем более столь статусным персонам. Речь идет о некоем *вассале* Урдура, аристократе, который мог иметь такую обязанность. И он представлен в смысловой композиции описанного сюжета «презренным холопом», посмевающим убить «великого царя».

В качестве аналогии приведем пассаж из того же источника о военной экспедиции халифата 852 г.: «Пришел тогда из Багдада турок Буга, холоп Амир-Мумна, приславшего его во главе большой армии» [13, 49]. *Холоп* Буга (в переводе М.Д. Лордкипани-

дзе — *раб* Буга [12, 141] являлся арабским *полководцем* тюркского происхождения на службе у халифа Амир-Мумна, совершившим разрушительный поход в Закавказье [13, 84, прим. 23; 26, 39]. В обоих случаях прослеживается жанровое уничтожение высокопоставленных вассалов — «холопа овса» и «холопа Буги».

Попытаемся определить реальный статус Урдура. Как уже говорилось, после смерти Баграта III, побежденный им кахетинский князь (хорепископ) Квирике обретает независимость, присоединяет к своей территории соседнюю Эретию и объявляет себя царем кахов и эров. Примерно тогда же усиливается аланская военная экспансия в Восточном Закавказье. В арабских источниках сохранились сведения о таких походах, в частности, предпринятых в 1032 и 1033 гг. аланами, русами и сарирами. Во главе алан называется *правитель/властитель* [26, 54, 70-71; 9, 357-358]. Судя по всему, такое же предприятие затронуло и государство Квирике, территория которого расширилась далеко к востоку за счет присоединенной Эрети и которое стало более уязвимым для своих северных соседей, совершавших регулярные походы/набеги в Закавказье. Судя по всему, Урдур был предводителем одного из таких военных предприятий, разумеется, не таким «статусным», как сообщается в «Летописи Картли». Он был приграничным правителем, совершившим неудачный военный поход-*бали*. Скорее всего, его социальное положение в феодальной иерархии было никак не выше того, которое занимал Багатар, один из аланских правителей IX в., которого «Картлис цховреба» называет княжеским титулом *мтавар*, погибший в войне с картлийским эрисмтаваром Адарнасе IV [12, 143; 13, 51; 9, 416, прим. 54].

Примечания:

1. Известным мне исключением является краткое обоснование, приведенное Ю. С. Гаглойти по поводу принадлежности Урдур к числу «...полунезависимых или даже вассальных правителей...» Алании [1, 219-220, прим. 140].
2. Краткое и емкое описание формирования данного свода дает А. Алемань [9, 404-405].
3. Приношу благодарность З. М. Сагкати за квалифицированные консультации по переводу грузинских терминов на русский язык.
4. Т.н. список царицы Анны обычно относят к XV в., но в новейшем русском издании «Картлис цховреба» специально указывается, что этот список, «...предназначенный, судя по колофону писца, для супруги царя Кахети Александра (1476–1511) Анны», в действительности представлял собой «позднюю копию (XVII в.) этого списка» [12, 6].

-
1. Гаглойти Ю. С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.
 2. Пфаф В. Б. Материалы по древней истории Осетии // Сборник сведений о кавказских горцах. 1871. Вып. V. С. 1-101.
 3. Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.
 4. Чичинадзе З. История Осетии по грузинским источникам. Цхинвал, 1993.
 5. Темырханты С. Иры истори. Дзæуджыхъæу, 1994. (на осет. яз.)
 6. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвал, 1989. Т. 1.
 7. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб. 1994.
 8. Малахов С. Н. Алания и Византия: источниковедческие аспекты политических и церковных связей. М.: СЕМ, 2015.
 9. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
 10. Гутнов Ф. Х. Горский феодализм. Владикавказ, 2007. Ч. I.
 11. Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. Нижний Архыз и Сенты — древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М., 2011.
 12. Картлис Цховреба. История Грузии. Тбилиси, 2013.
 13. Летопись Картли. Тбилиси, 1982.
 14. Очерки истории Грузии (в восьми томах). Том II. Грузия в IV-X веках. Тбилиси, 1988. (перевод с грузинского)
 15. Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2005.
 16. Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.
 17. Амичба Г. А. Антропонимический репертуар «Дивана абхазских царей» // Абхазоведение. Сухум. 2003. Вып. II.
 18. Brosset M. Histoire de la Georgie. SPb., 1849.
 19. Вахушти Багратиони. История царства грузинского. Тбилиси, 1976.
 20. Вахушти царевич. География Грузии // Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5.
 21. Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1897. Вып. XXII.
 22. Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3.
 23. Распорядок царского двора. Тбилиси, 1993.

24. Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899.
25. Люттвак Э. Н. Стратегия Византийской империи. М., 2010.
26. Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
27. Белецкий Д. В. Материалы к изучению позднесредневекового зодчества Северного Кавказа // Историко-филологический архив. Владикавказ, 2011. № 7. С. 26-70.
28. Zeibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln Des 10. 12. Jahrhunderts // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2004. С. 50-59.
29. Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль (полного свода истории) Ибн-ал-Асира. Баку, 1940.